

20. Мороховский А.Н. К проблеме текста и его категорий // Текст и его категориальные признаки. Киев, 1989.
21. Мурзин Л.Н. О динамических законах текста // Текст как объект лингвистического и психолого-педагогического исследования. Тезисы докладов науч.-теор. конф. Пермь, 1982.
22. Воробьева О.П. Текстовые категории и фактор адресата: Моногр. Киев, 1993.
23. Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. 2-е изд. М., 1998.

О.Г. Щитова

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ИНОЯЗЫЧНЫХ СРЕДСТВ В ТЕКСТЕ

Томский государственный педагогический университет

Займствование – одна из давних, традиционных тем лингвистических исследований. Литература, посвященная лексическому займствованию, насчитывает многие сотни наименований. И тем не менее эта тема не утрачивает своей актуальности, поскольку на современном этапе развития русский язык особенно интенсивно пополняется новыми словами иноязычного происхождения, которые нуждаются в изучении. Расширяются аспекты анализа займствований. В лингвистике последних лет все более возрастает интерес к функционированию языковых знаков и языковой системы. Изучение системы в функционировании неизбежно ведет к расширению объекта исследования за счет включения в него целей общения, специфических условий, в которых языковая система функционирует. Отмечается усиление внимания исследователей к коммуникативно-прагматическому аспекту семантики – к тем ее областям, в которых находят свое проявление результаты действия «человеческого фактора» в языке, обнаруживается позиция человека говорящего.

Становясь элементом художественной речи, займствованная лексическая единица не остается неизменной по сравнению с узусом: под воздействием разнообразных факторов в системе эстетически организованного целого обогащается ее смысловая структура, преобразуется эмоционально-оценочная окраска, расширяются экспрессивные возможности. Экспрессивность в широком смысле термина понимается как выразительность, выражение мыслей и чувств, сопровождаемое эмоциями, характерное для каждого типа текстовой деятельности, обладающего вариативным потенциалом передачи одного и того же объективного смысла, окрашенного эмоциональным переживанием [1, с. 119]. Экспрессивность текста усиливает его воздействие на адресата, затрагивая сферу чувств и переживаний; придает тексту выразительность за счет взаимодействия в содержательной стороне иноязычного слова оценочного и эмоционального отношения говорящего к тому, что происходит во внешнем или внутреннем мире. Обратим внимание на семанти-

ческие механизмы создания экспрессивности текста при помощи иноязычных средств.

Средства и способы создания экспрессивности текста при помощи единиц иноязычного происхождения могут быть различными: употребление экспрессивно маркированных ксенолексем (в этом случае экспрессивный компонент семантики займствованного слова является узуальным, отмеченным в справочной лингвистической литературе, сохраняясь в тексте и выражая субъективное отношение говорящего к содержанию или адресату речи); приобретение коннотации узуально нейтральными единицами (субъективность коннотации займствований, которые в обычном употреблении являются стилистически нейтральными, особенно ярко проявляется в том, что одна и та же ксенолексема может иметь различную оценочно-эмоциональную окраску в разных микротекстах). Остановимся на некоторых других особенностях функционирования иноязычных средств в тексте.

Функционирование иноязычных слов в качестве семантических окказионализмов.

Переносные значения могут быть узуальными, то есть закрепившимися в языке, и окказиональными, индивидуально-авторскими, встречающимися только в текстах данного автора. Переносные значения займствований, зафиксированные в словарях, могут быть как стилистически окрашенными, так и стилистически нейтральными. Окказиональное переносное значение иноязычной лексемы всегда привносит в текст экспрессию или образность.

Окказиональная метафора может быть основана на внутреннем сходстве двух предметов. «Паниковский и Балаганов ... сегодня же к вечеру обыщут Корейко. ...После нескольких часов уличного дежурства объявились наконец все необходимые данные: покров ночной темноты и сам **пациент**, вышедший с девушкой из дома...» [2, с. 100]. Галлицизм *пациент* (< фр. patient ‘больной’) в обычном словоупотреблении имеет значение ‘больной, лечащийся у врача’ [3, III, с. 305], то есть называет объект лечения и наблюдения. В данном тексте Корей-

ко также является объектом наблюдения и своеобразного «лечения», которое заключается в изъятии у *пациента* нечестно заработанных денег. Таким образом, окказиональная метафора основана на внутреннем сходстве двух предметов.

Средством создания художественной выразительности нередко оказывается метонимия или ее частный случай – синекдоха.

«Это были странные и смешные в наше время люди. Почти все они были в белых пикейных жилетах и соломенных шляпах канотье. <...>

– Читали про конференцию по разоружению? – обращался один пикейный жилет к другому пикейному жилету» [2, с. 122].

Здесь произошел метонимический перенос названия с части на целое: с предмета одежды группы лиц на саму группу лиц, объединенную общностью интересов. Особенностью большинства данных микротекстов является то, что переносные значения заимствований возникают «на глазах» у читателя, то есть слова употребляются сначала в своем прямом значении, а затем в переносном.

Заимствование может быть актуализировано в тексте в модифицированном значении, абсолютно отличающемся от узуальной лексической семантики.

«Он опомнился на льду с расквашенной мордой, с одним сапогом на ноге, без шубы, без портсигаров, украшенных надписями, без коллекции часов, без блюда, без валюты, без креста и брильянтов, без миллиона. На высоком берегу стоял офицер с собачьим воротником и смотрел вниз, на Остапа.

– Сигуранца проклятая! – закричал Остап, поднимая босую ногу. – Паразиты!

*Офицер медленно вытаскивал пистолет и оттянул назад ствол. Великий комбинатор понял, что **интервью** окончилось. Сгибаясь, он заковылял назад, к советскому берегу»* [2, с. 276].

Лексема *интервью* (< англ. interview ‘то же’ < inter ‘между’ + view ‘мнение, точка зрения’) в нормативном словоупотреблении относится по тематике к области публицистики (газетного дела) и имеет значение ‘предназначенная для распространения в средствах массовой информации беседа с каким-нибудь лицом в форме вопросов и ответов на актуальные темы’ [3, I, с. 475]. В приведенном выше отрывке мы наблюдаем модификацию узуального значения данного заимствования, так как между Остапом Бендером и румынскими пограничниками не происходит никакой беседы. Они молча срывают с Остапа одежду и драгоценности, давая понять, что вход в их страну комбинатору запрещен. Анализируемое слово приобретает контекстуальный смысл ‘следующие друг за другом действия противоборствующих сторон’ и фраза «интервью окончилось», ассоциируясь с аллюзией «комедия окончена», подводит итог всей книге, получает символическое

значение: Остап Бендер, талантливый, умный, находчивый, терпит поражение: его мечта попасть в Рио-де-Жанейро, где миллионеры могут «командовать парадом», не осуществилась. Здесь и горечь поражения, и насмешка над самим собой.

Таким образом, семантические окказионализмы иноязычного происхождения, возникающие в тексте в результате метафорического или метонимического переноса, а также в результате контекстуальной модификации значения, придают выразительность художественной речи.

Функционально-стилистическое несоответствие иноязычного слова окружающему его контексту.

Экспрессивность текста усиливается за счет функционально-стилистического «переноса» ксенолексем – помещения иноязычных средств, маркированных определенной стилистической сферой своего употребления, в контекст, не соответствующий им в функционально-стилистическом отношении. При этом понятийный компонент семантики иноязычного слова может полностью соответствовать нормативно-му употреблению или претерпевать изменения.

Рассмотрим особенности употребления заимствования эволюции в тексте сатирического романа И. Ильфа и Е. Петрова «Золотой теленок». *«Это очень хорошо, – Балаганов доверчиво усмехнулся. – Пятьсот тысяч на блюдечке с голубой каёмкой». Он поднялся и стал кружиться вокруг столика. Он жалобно причмокивал языком, останавливался, раскрывал даже рот, как бы желая что-то произнести, но, ничего не сказав, садился и снова вставал. Остап равнодушно следил за **эволюциями** Балаганова»* [2, с. 23]. *Эволюции* (только мн.) – строевые тактические или стратегические передвижения армии или флота, манёвры (воен.) [3, III, с. 637]. Отнесенность данного слова к военной терминологии подчеркивается следующим контекстом: *«Но, взглянув на **эволюции** Паниковского, он успокоился. Балаганов увидел, что слепой повернулся фронтом к миллионеру, зацепил его палочкой по ноге и ударил плечом. После этого они, видимо, обменялись несколькими словами. Затем Корейко улыбнулся, взял слепого под руку и помог ему сойти на мостовую. Для большей правдоподобности Паниковский изо всех сил колотил палкой по булыжникам и задирал голову, будто был взнудан»* [2, с. 97]. Актуализация указанной выше семантики галлицизма латинского происхождения *эволюции* (< фр. evolution – воен. ‘перестроение, маневрирование’ < лат. evolutio ‘развитие, развертывание’) подтверждается наличием в тексте другого военного термина – *фронт* ‘обращенная к противнику сторона боевого расположения войск’ [3, III, с. 763]. В тексте художественного произведения мы наблюдаем «снижение» значения анализируемого иноязычного термина, а

также приобретение им необычного оттенка значения – ‘поведение, передвижения (по отношению к человеку)’. Ср.: «Сказавши “ой”, Берлага отошел подальше от идиота. Произведя эту **эволюцию**, он приблизился к человеку с лимонной лысиной» [2, с. 136]. Заметим, что заимствование употреблено здесь в форме единственного, а не множественного числа, что является преодолением морфологической языковой нормы (см. приведенные выше данные словаря Д.И. Ушакова). Следовательно, данное слово является не только семантическим, но и **грамматическим окказионализмом**. Таким образом, усиление экспрессивности текста может быть достигнуто за счет креативного отношения автора не только к лексическим и стилистическим, но и к морфологическим (грамматическим) нормам языка.

Тематическое рассогласование ксенолексемы и контекста.

Использование ксенолексем, относящейся в узусе к одной тематической группе, для описания явления другой сферы деятельности человека придает эффективность высказыванию и усиливает экспрессивность текста. «В лексическом понятии имплицитно присутствует указатель его принадлежности к определенной сфере, т.е. к тематически более или менее точно очерченному кругу других лексических понятий» [5, с. 119]. Перемещение заимствования за пределы свойственного ему тематического поля меняет его стилистическую окраску.

«Уже Кукушкинд поднял полу своего пиджака, чтобы протереть ею стекла своих очков, а заодно сообщить сослуживцам, что работать в банкирской конторе “Сикоморский и Цесаревич” было не в пример спокойнее, чем в геркулесовском содоме; уже Тезоименицкий повернулся на своем винтовом табурете к стене и протянул руку, чтобы сорвать листок календаря, уже Лепидус-младший разинул рот на кусок хлеба, смазанный форшмаком из селедки, – когда дверь распахнулась и на пороге ее показался не кто иной, как бухгалтер Берлага.

*Это неожиданное **антре** вызвало в финсчетном зале замешательство. Тезоименицкий поскользнулся на своей винтовой тарелочке, и календарный листок впервые, может быть, за три года остался несорванным. Лепидус-младший, позабыв укунуть бутерброд, вхолостую задвигал челюстями. Дрейфус, Чеважевская и Сахарков безмерно удивились. Корейко поднял и опустил голову. А старик Кукушкинд быстро надел очки, позабыв протереть их, чего с ним за тридцать лет служебной деятельности никогда не случалось. Берлага как ни в чем не бывало уселся за свой стол и, не отвечая на тонкую усмешку Лепидуса-младшего, раскрыл книгу» [2, с. 135].*

Смысловый центр приведенного отрывка выражен варваризмом *антре* (< фр. *entrée* ‘выход, вступ-

ление’ [4, с. 67]), который в русском языке принято употреблять при описании циркового представления или балета: 1) в цирке это клоунский номер – комедийная или разговорная сценка или пантомима; 2) в балете – танцевальный выход одного или нескольких исполнителей; 3) в странах Средневековой Европы – торжественный выход, вступление костюмированных персонажей в пиршественный или балльный зал [там же]. В тексте романа «Золотой теленок» слово *антре* помещается в не соответствующую ему денотативную сферу: действие происходит в финансово-счетном отделе конторы, а действующее лицо не является профессиональным артистом. Авторская цель такого тематического контраста – эффект неожиданности, приводящий к комизму ситуации и усиливающийся в словосочетании «неожиданное антре» и далее – при описании реакции остальных героев на такое «неожиданное антре».

Приём неязыкового парадокса (нарушение предметно-логических связей между явлениями неязыковой действительности, противоречие здравому смыслу).

Экспрессивность текста может возникать и при использовании стилистически нейтральных единиц, обычных для данного функционального стиля, употребляющихся в соответствии с их тематической принадлежностью, в том случае, если в тексте нарушаются привычные предметно-логические связи между явлениями неязыковой действительности и возникает парадоксальная ситуация, противоречащая здравому смыслу.

Утрата предметно-логических связей между реалиями наблюдается, например, в нелепости одежды героев: «Паниковский, перебирая ногами, ухватился за кузов, потом налег на борт животом, перевалился в машину, как купающийся в лодку, и, стуча **манжетами**, упал на дно.

– Полный ход, – скомандовал Остап. – Заседание продолжается. <...>

– И вообще, – продолжал Остап, – у вас нечистая хватка. Только что мы были свидетелями отвратительной сцены. За вами гнались арбатовцы, у которых вы увели гуся.

– Жалкие, ничтожные люди! – сердито забормotal Паниковский.

– Вот как! – сказал Остап. – А себя вы считаете, очевидно, врачом-общественником? Джендльменом? Так вот что: если вам, как истому джендльмену, взбредет на мысль делать записки на **манжетах**, вам придется писать мелом.

– Почему? – раздраженно спросил новый пассажир.

– Потому что они у вас совершенно черные. Не от грязи ли?» [2, с. 34, 49].

Галлицизм *манжеты* ‘пристегнутый или пришитый обшлаг у рубахи, блузки’ [3, I, с. 646], во-

шедший в русский язык в XVIII в. (фр. manchette ‘рукавчик’ < manche ‘рукав’ восходит к лат. manica ‘длинный рукав’, буквально ‘нарукавник’, суффиксальному производному от manus ‘рука’), приобретает в тексте экспрессивную окраску вследствие своих взаимоотношений с другими лексическими единицами: «стуча манжетами», «они совершенно черные... от грязи», «на манжетах... писать мелом» и т.д. Весь приведенный эпизод получает комическую окраску из-за нарушения предметно-логических связей в данной ситуации. Паниковский ни по поведению, ни по социальному положению, ни по внешнему виду не соответствует образу джентельмена (‘вполне корректного человека, строго соблюдающего правила и нормы поведения, принятые в буржуазно-аристократическом обществе’), манжеты которого должны быть белоснежными. Здесь налицо неязыковой парадокс как один из способов создания экспрессивности текста.

В речи встречаются также случаи совмещения контраста разного типа. Рассмотрим пример из текста: «Зато красномордый **блондин** с белыми глазами, это ничтожество, этот советский мышонок, обуянный мечтой о пальто с телячьим воротником, проявил необычное оживление» [2, с. 94]. Употребление лексемы блондин ‘белокурый мужчина’ [3, I, с. 88], заимствованной в XIX в. (< фр. blondin ‘то же’ < blond ‘белокурый’), в одном контексте с просторечным бранным красномордый эксплицирует контраст не только внеязыковой, но и стилистический – с точки зрения сферы употребления и эмоционально-экспрессивной окрашенности. Этой яркой, выразительной фразы достаточно, чтобы понять и личное отношение авторов романа к своему герою. Чувство неприятия возникает не только к личности, но и социальному типу, который представлен в образе героя Корейко.

Иноязычная транслитерация исконно русских слов.

В романе также можно встретить исконно русские слова в иноязычной графике: «Они уже слышали это слово в одной почтенной семье из Чикаго. И там о “pervatsch’e” были даны прекрасные референции. Глава этого семейства был в свое время с американским оккупационным корпусом в Архангельске, тил там “pervatsch” и с тех пор не может забыть очаровательного ощущения, которое он при этом испытал» [2, с. 62]. Слово «pervatsch» является иноязычной транслитерацией исконно русского *первач* (спец.) ‘товар первого сорта, самогон’ [3, с. 449], которое представляет собой суффиксальный дериват на базе прилагательного *первый* ‘предшествующий всем другим; лучший’, восходящего к общеславянскому *rygvъjъ и далее к индоевропейскому корню *reg- [6, II, с. 20].

«*Wolokita!* – взвизнул он дискантом и, бросившись к великому комбинатору, стал изо всей силы трясти его за плечи» [2, с. 154]. В данном контексте *wolokita* – это не что иное, как переданное латиницей исконно русское слово *волокита* ‘проволочка; канцелярская медлительность, придирчивость и задержки в решении какого-либо дела’, появившееся в русском языке в XVI веке путем суффиксации (суффикс *-ит-* < о.-слав. *-yt-) от глагола *волочить* ‘тащить, тянуть что-либо’, происходящего от восточно-славянского *voľoči < *voľkti [6, I, с. 163, 157].

«*Дорогая девочка! Спешу сообщить тебе радостную весть. Наконец-то мой патрон Польшаев отправляет меня на производство. Но вот что меня поражает, дорогая Тили, – в концерне “Геркулес” это называется загнать в бутылку (Sagnat w butilkę! <...>)*» [3, с. 159]. Переданный иноязычной графикой русский фразеологизм *загнать в бутылку*, тождественный по значению фразеологизму *загнать в угол* ‘ставить кого-либо в тяжелое или безвыходное положение’ [7, с. 194] и распространенный в русской разговорной речи, употребляется в данном тексте как контекстуальный синоним выражения *отправить на производство*, то есть поставить в безвыходное положение в смысле работы – придется работать, хотя в концерне «Геркулес» этого не любит делать никто.

Креативное отношение автора к графической стороне письменной речи усиливает выразительность текста: в процессе декодирования читателем «чужого» в «свое» возникает комический эффект.

Иноязычные вкрапления в русской графике.

«*Вас махен зи? – ошеломленно спросил Остап, показывая некоторое знакомство с немецким языком. – Вас воллен зи от бедного посетителя?»* [2, с. 154]. В данном случае фразы немецкого языка *was machen sie?* (что вы делаете?), *was wollen sie* (что вы хотите?) переданы русской графикой и вызывают невольную улыбку читателя. В одном предложении происходит смешение средств иностранного и родного языков – это своеобразный кураж Остапа Бендера и художественный прием И. Ильфа и Е. Петрова. Здесь уместно вспомнить гоголевское «Шпрехен зи дейч, Иван Андрейч?».

Становится очевидным, что иноязычные вкрапления в русской графике и собственно русские слова и выражения в иноязычной графике являются одним из средств создания экспрессивности текста и комического эффекта, возникающего при его восприятии.

В заключение можно сделать вывод о том, что слова иноязычного происхождения активно используются как одно из лексических средств создания экспрессивности текста. Это происходит, во-первых, вследствие употребления стилистически мар-

кированных единиц. Во-вторых, узуально нейтральные ксенолексемы в тексте произведения могут приобретать эмотивность, оценочность, экспрессивность, при этом возможны случаи появления у одного и того же слова в разных контекстах то положительной, то отрицательной коннотации. В-третьих, выразительность художественной речи придают семантические окказионализмы, возникающие в результате метафорического или метонимического переносов. В-четвертых, иноязычные

средства могут играть значительную роль в создании экспрессивности текста, контрастируя с окружающим контекстом в функционально-стилистическом, тематическом, предметно-логическом, графическом планах. В-пятых, это является проявлением креативного отношения автора к языку, достигнутого путем преодоления его лексических, стилистических, грамматических, графических норм и таким образом усиливающего выразительность текста.

Литература

1. Баранов А.Г. Функционально-прагматическая концепция текста. Ростов н/Д, 1993.
2. Ильф И., Петров Е. Золотой теленок. М., 1987.
3. Ушаков Д.И. Толковый словарь русского языка. М., 2001. Т. 1–3.
4. Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов. М., 2002.
5. Комлев Н.Г. Компоненты содержательной структуры слова. Изд. 2-е, стереотипное. М., 2003.
6. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь русского языка. Т. 1–2. М., 1993.
7. Фразеологический словарь русского литературного языка конца XVIII–XX вв. / Под ред. А.И. Федорова. М., 1995.

О.И. Блинова

НАРОДНАЯ РЕЧЕВАЯ КУЛЬТУРА СКВОЗЬ ПРИЗМУ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОГО ТЕКСТА¹

Томский государственный университет

*Колокольчики повесят, едут.
Красиво так: мороз, светло, блеск
кругом и -коло -коло -коло -коло
колокольцы звенят.*

Взятый в качестве эпиграфа фрагмент диалектного текста записан в с. Нарым Парабельского района Томской области. В нём – поэтическое воспроизведение зримой и звуковой картины участником свадебного «поезда», везущего к церкви молодых для обряда венчания. Этот небольшой фрагмент – достойная иллюстрация того, что диалектная речь не только средство выражения народной духовной культуры, но и её слагаемое: в небольшом тексте несколько фигур речи – приём кольца, приём оживления внутренней формы слова, приём аллитерации и ассонанса, представленные звенящей мотивационной цепочкой КОЛО/КОЛЬ/ЧИКИ – КОЛО – КОЛО – КОЛО – КОЛО – КОЛО/КОЛЬ/ЦЫ.

Настоящая работа посвящена одной из проблем молодой научной отрасли языкознания – диалектной лингвокультурологии [1, с. 232–233] – проблеме народной речевой культуры (НРК) и специфике

её преломления в тексте лексикографического жанра. Частичное освещение в различных аспектах – онтологическом, источниковедческом, лингвоэкологическом – она получила в публикациях автора и его томских коллег [2, с. 134–139] и нуждается в продолжении исследования, в обобщении полученных результатов.

Постановка проблемы НРК, как известно, принадлежит Н.И. Толстому [3, с. 5–22], а само понятие «речевая культура» определяется как «составная часть культуры народа, связанная с использованием языка» [4, с. 413–415].

Ядерную зону речевой культуры составляет совокупность речевых средств, представляющих собой результат длительного отбора и совершенствования лучшего, что выработано сотнями поколений говорящих на данном языке. В эту зону входят изобразительно-выразительные средства языка на

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект №03-04-00427 а/Т), Минобразования России (№ Г02-1.6-109), Совета по грантам Президента РФ и государственной поддержке ведущих научных школ (№ НШ 1736.203.6).